

УКРАСТЬ У КИЦУНЭ

Алёна Мэй

18+

Алёна Мэй

Украсть у кицунэ

«Автор»
2026

Мэй А.

Украсть у кицунэ / А. Мэй — «Автор», 2026

Она — бармен. Он — фронтмен рок-группы. Они провели вместе ночь, всего одну. Он ушёл под утро, она не ждала продолжения.А потом он вернулся. Не за ней. С его шеи пропал камень — светящийся, молочно-белый. Без него ему не жить. Он был у неё в квартире.Она не брала. Он не верит. Искать придётся вместе.Вот только он не человек. Он кицунэ, и этот камень — его звёздная жемчужина, вместилище души и магии. Тот, кто держит её в руках, получает над ним полную власть.Рэйвен не нужна власть. Но когда они найдут жемчужину, ей придётся решить: отдать её и навсегда потерять того, кто стал ей нужен, или оставить себе и обречь его на смерть.

© Мэй А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Under 5
Глава 2. Пропажа 14
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Алёна Мэй
Украсть у кицунэ

Глава 1. Under

Бар назывался «Under», и это было самое честное название в городе. Он прятался в подвале старого торгового центра, куда нормальные люди не заходили после десяти вечера, потому что место это считалось неблагополучным, а бетонная лестница, ведущая в бар, пугала даже тех, кто обычно ничего не боялся. Ступени, облепленные засохшей жвачкой, стены в маркерных тегах, тяжёлая дверь без ручки, просто стальная пластина, в которую надо было толкнуть плечом.

Внутри пахло пивом, дешёвым виски и мокрой штукатуркой, и запах этот въедался в одежду так, что даже после двух стирок всё ещё чувствовался на рукавах. Красный свет заливал кирпичные стены и барную стойку из тёмного дерева, исцарапанную за годы до такого состояния, что узор на ней напоминал карту несуществующего города.

Рэйвен работала здесь три года.

У неё были очень длинные волосы, густые, мягкой волной спускавшиеся почти до бёдер и выкрашенные в сложный пепельно-розовый цвет, который при красном свете бара казался то серебристым, то персиковым. Она никогда не убирала их в хвост или пучок, позволяя свободно лежать на плечах и спине, и за три года ни разу не окунула прядь в чей-нибудь стакан. Двигалась она с точностью, выработанной тысячами повторений: взять бутылку, налить, поставить на место, принять оплату.

Лицо у неё было открытое и запоминающееся: большие глаза цвета светлого виски, пухлые губы, которые она редко красила, и маленькая ямочка на подбородке, проступавшая, только когда она злилась или смеялась. Злилась она чаще. Тонкий шрам на левой скуле остался после первого года работы, когда пьяный посетитель разбил стакан о край стойки и осколок рассёк ей лицо. Она не стала зашивать, и шрам остался навсегда.

Одевалась она просто: чёрная водолазка без рукавов, открывающая руки с рельефными мышцами, джинсы, тяжёлые ботинки. На левом предплечье темнела татуировка, геометрический орнамент, который при внимательном рассмотрении складывался в силуэт птицы в полёте. Никаких украшений, кроме тонкой серебряной цепочки на шее.

Она знала про этот бар всё. Знала, что третья лампа над сценой начинает моргать, если включить её на полную мощность, и что после полуночи вентиляция гудит тише. Знала, кто из завсегдатаев пьёт в долг, а кто платит сразу, и кому нельзя наливать больше двух порций, потому что на третьей он принимается рассказывать всем про свою бывшую жену и дело неизбежно кончается дракой. Знала, что музыканты всегда проблема, особенно фронтмены, которые после выступления спускаются в зал с таким видом, будто им все должны. За три года она повидала их столько, что хватило бы на отдельный филиал ада, и ни один не задержался в её памяти дольше, чем на неделю.

Афиша «Nine Tails» провисела у входа всю прошлую неделю, и Рэйвен проходила мимо неё каждый вечер, не удостаивая даже беглым взглядом. Чёрный фон, стилизованный лисий силуэт, название группы острыми белыми буквами. Обычная андерграунд-команда, каких через «Under» проходит по три за месяц: поставят аппаратуру, отыграют сет, напьются и уедут. Она знала, что они играют во вторник, только потому, что администратор вписал их в расписание, а она машинально глянула в график, когда искала свою смену. Ничего особенного.

Она ошиблась, но поняла это не сразу, а только когда они вышли на сцену в одиннадцать и она подняла голову от стаканов, которые протирала последние полчаса.

Сначала появился барабанщик, здоровый мужик с ручищами, сплошь затянутыми в татуировочные рукава, из тех, что садятся за установку и начинают лупить по ней, даже не проверив настройку. За ним вышел басист, тощий, с длинными сальными патлами. Клавишник в толстовке с капюшоном встал за синтезатор, не показывая лица. Обычный набор, обычный выход.

Рэйвен уже собиралась отвести взгляд и вернуться к работе, когда на сцену поднялся он.

Высокий. Чёрные джинсы, косуха на голое тело, распахнутая на груди. На шее тонкий кожаный шнурок с мутным белым камнем. В левом ухе серебряное кольцо. На пальцах несколько массивных перстней. Тёмные волосы уложены небрежно, несколько прядей падают на лоб.

Он был из той породы мужчин, на которых хочется смотреть без анализа и оценок, просто потому что глаз цепляется и отказывается отпускать. От него исходило обещание удовольствия и предупреждение, что удовольствие это будет стоить дороже, чем она рассчитывала. Рэйвен чуяла опасность за версту и обычно обходила стороной. Но не в этот раз.

Он взял микрофонную стойку и наклонил её к себе, без усилия, без лишнего движения. Пальцы с перстнями легли на металл с интимной уверенностью. Он стоял расслабленно, но в этой расслабленности чувствовалась скрытая сила, не агрессивная, а ленивая, как у хищника, который знает, что добыча никуда не денется.

— Проверка, раз-два, — произнёс он в микрофон, и голос оказался именно таким, какого она ждала: низким, с лёгкой хрипотцой, тягучим.

Зал ответил жидкими хлопками, человек тридцать, не больше, потому что вторник в «Under» всегда был мёртвым днём.

— Маловато, — сказал он и улыбнулся кривоватой улыбкой. — Ничего, разогреем.

И они начали играть.

Рэйвен не любила рок, точнее, она устала от него до полного равнодушия. Три года за барной стойкой превратили любую музыку в фоновый шум, надоевший, как звук стиральной машины за стеной. Музыка была работой. Но не сегодня.

«Nine Tails» звучали тяжелее, чем всё, что она слышала раньше. Барабанщик лупил по установке так, что стаканы на стойке начинали подрагивать и сползать к краю, и Рэйвен прихо-

дилось придерживать их рукой. Басист выбивал низкие ноты, которые отдавались в груди, как второй сердечный ритм. Клавишник добавлял диссонирующие звуки, странные, тревожные. А фронтмен пел, и Рэйвен не разбирала слов. Важен был голос, низкий, вибрирующий, проникающий под кожу. Он держал микрофон крепко, почти агрессивно, и смотрел в зал поверх голов, словно искал кого-то.

Она поймала его взгляд на третьей песне. Свет бил ему в спину, лицо оставалось в тени, но глаза на мгновение блеснули янтарём. Просто отблеск красных ламп, сказала себе Рэйвен. Но по позвоночнику всё равно пробежал холодок.

— Эй, бармен! — парень у стойки постучал по дереву костяшками пальцев. — Я всё ещё жив, налей мне чего-нибудь.

Она моргнула, отвела взгляд и плеснула виски в стакан, стараясь не думать о том, что только что видела.

— Знакомый, что ли? — спросил парень, кивая на сцену.

— Нет.

— Тогда чего он на тебя вылупился?

Рэйвен не ответила. Она налила виски и себе, впервые за смену, выпила залпом и вернулась к работе. Весь оставшийся сет она не поднимала глаз на сцену, но кожей чувствовала его взгляд.

Концерт закончился в начале первого. Группа собрала аппаратуру быстро и слаженно. Барабанщик укатил установку в фургон, басист с клавишником ушли курить к чёрному ходу. Посетители начали рассасываться, и к половине первого в баре осталось человек пять. Она как раз вытирала стойку, когда на соседний стул опустился фронтмен.

Он возник бесшумно. Косуха всё ещё была распахнута, и Рэйвен заметила, что на его груди нет ни капли пота, хотя на сцене он выкладывался так, что любой нормальный человек давно бы взмок. Кожа была сухой, а шнурок с мутным белым камнем по-прежнему висел на шее.

— Виски без льда, — произнёс он.

Она плеснула на два пальца и подвинула стакан через стойку.

— С тебя триста.

Он склонил голову набок и посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом. Рэйвен знала этот взгляд. Так смотрели все фронтмены после концерта: оценивающе, самодовольно, ожидая, что она растает. Она никогда не таяла.

— Рэйвен, — прочитал он её имя на бейдже. — Ворон.

— Поздравляю, ты умеешь читать.

Улыбнувшись краем рта, он полез в карман, достал смятую купюру, положил на стойку и аккуратно расправил. Взял стакан, отпил виски.

— Ты интересная, — сказал он.

— Я знаю.

— И скромная.

— Само собой.

Он допил виски и поднялся.

— Ты заканчиваешь в два, я видел расписание. Я подожду снаружи. Если захочешь, выйдешь, если нет, нет.

И ушёл. Просто развернулся и пошёл к выходу, оставляя за собой запах кожи и чего-то пряного. Дверь закрылась с мягким стуком, и в баре сразу стало тише.

Парень в углу присвистнул.

— Ни хрена себе. Это что сейчас было?

Рэйвен не ответила. Она убрала его пустой стакан в мойку. Руки не дрожали. Почти.

В два часа ночи она вышла из бара. Он ждал снаружи, привалившись плечом к кирпичной стене. В свете фонаря его волосы отливали медью, а глаза были просто карими. Он был намного выше, чем ей показалось в баре, она доставала ему едва до плеча.

Рэйвен знала, что поступает глупо. Знала и всё равно пошла. Не потому что он был красивым, хотя и это тоже, а потому что ей вдруг надоело быть одной. Последний раз у неё кто-то был полгода назад, и тот кто-то оказался настолько никаким, что она даже имя его забыла через неделю. Этот как минимум не даст ей заскучать. Она повторяла про себя, пока они шли по пустой улице: почему нет, сколько можно, она живая, ей нужен секс, это ничего не значит, утром он уйдёт, и она даже не вспомнит его лица. Всё как обычно. Только в этот раз «как обычно» почему-то не работало.

Она искоса взглянула на него. Он шёл молча, и за одно это она была ему благодарна.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Кай.

— Это твоё настоящее имя?

— А твоё настоящее — Рэйвен?

Она промолчала. Дальше шли молча.

Они свернули в переулок, где пахло стиральным порошком из круглосуточной прачечной на первом этаже.

— Я живу над прачечной, там всегда пахнет порошком, — сказала она.

— Я не против.

— Там тесно.

— Я не планирую танцевать.

Она остановилась у подъезда и посмотрела на него в упор.

— У меня одно правило: ты уходишь до рассвета. Я не готовлю завтрак, не даю номер телефона. Это на одну ночь.

— Понял.

— И если ты окажешься психом, у меня под барной стойкой лежит монтировка, и здесь тоже есть.

Он рассмеялся, низко, хрипло, и смех этот был таким неожиданно живым, что Рэйвен чуть не улыбнулась в ответ.

— Договорились.

Студия находилась на четвёртом этаже. Пока они поднимались по узкой лестнице с облупившейся краской и вечно моргающей лампой, Рэйвен чувствовала его присутствие за спиной каждой клеткой тела. Он не касался её, но жар, исходящий от него, был почти физическим.

Она открыла дверь, пропустила его внутрь и не стала включать верхний свет. Прошла к матрасу, включила ночник. В комнате пахло бумагой и тушью, и сквозь приоткрытое окно тянуло ночным холодом.

Кай огляделся. Матрас на полу, стол у окна, пара разномастных стульев, барная стойка, сколоченная из старых досок. На стенах висели её рисунки: геометрические узоры и птицы, нарисованные чёрной тушью. В углу пылилась гитара без струн.

— Мило, — оценил он.

— Врёшь.

— Вру, но это лучше гостиничного номера.

Он снял косуху и бросил её на стул. Оставшись с голым торсом, принялся стягивать перстни с пальцев, и серебро глухо звякнуло о дерево, когда он положил их на стол. Рэйвен тем временем подошла к бару, налила два стакана виски, один подвинула ему, из второго отпила сама. Он взял стакан, понюхал, усмехнулся.

— Неплохой, для такой дыры.

— Для такой дыры сойдёт.

Он выпил, поставил стакан и посмотрел на неё. Шнурок с мутным белым камнем качнулся на шее. Длинные руки, широкие плечи, узкие бёдра, мышцы, которые перекатывались под кожей при каждом движении.

Она подошла первой. Взяла его за плечи и почувствовала, какая у него горячая кожа, не просто тёплая, а именно обжигающая. Он не двигался, позволяя ей вести. Обычно такие мужчины не умели ждать. А он умел.

Поцелуй получился жёстким, голодным. Она сама его начала, притянув его голову вниз и впившись в губы, но он перехватил инициативу мгновенно. Одна рука легла ей на затылок, вторая скользнула на поясницу и притянула ближе. Губы у него были сухими и горячими, и целовался он глубоко, не оставляя ей шанса отступить.

Она стянула с себя водолазку, он помог, дёрнув за край. Её спина коснулась холодной кирпичной стены, и Рэйвен вздрогнула от контраста. Ладони прошлись по его груди, чувствуя, как мышцы напрягаются под прикосновениями и как быстро бьётся сердце. Он издал низкий горловой звук, но не двинулся с места, всё ещё позволяя ей вести. Тогда она оттолкнулась от стены и потянула его за собой, к матрасу.

Она легла на спину, и длинные пряди разметались по подушке. Он навис сверху. Теперь, когда она лежала, а он стоял на коленях между её разведённых бёдер, разница в росте перестала иметь значение. Он наклонился и провёл губами по её шее, по ключице, спустился ниже. Язык обвёл сосок, зубы прикусили кожу ровно на грани боли, и она выдохнула, запустив пальцы в его волосы. Они оказались мягче, чем она ожидала.

Джинсы и бельё полетели на пол. Пальцы скользнули между ног, и Рэйвен закусила губу, чувствуя, как внутри всё сжимается в предвкушении. Сразу два пальца вошли глубоко, и она выгнула спину, заставляя себя не шуметь. Движения были медленными и точными, находили нужный угол и ритм, и ей ничего не оставалось, кроме как следовать за ними. Он не спрашивал, хорошо ли ей, не ждал указаний, просто делал то, что считал нужным, и этого оказывалось достаточно.

Она потянулась к нему, но он перехватил её запястья и уложил обратно на подушку, мягко, но настойчиво. Дал понять, кто здесь главный, не проронив ни слова. Ей бы разозлиться, но вместо этого она подалась бёдрами навстречу его пальцам. Тогда он отпустил её руки, вышел из неё и рывком стянул джинсы. Рэйвен увидела его член, длинный и толстый, с выступающей веной, и низ живота свело от желания. Он приподнял её бёдра, развёл колени и вошёл сразу на полную длину, одним толчком. Рэйвен вскрикнула, но ей было всё равно. Он замер внутри, давая привыкнуть, и она чувствовала каждую жилку, каждую пульсацию. Руки держали её бёдра крепко, на грани синяков.

Первый толчок был медленным и глубоким. Она обхватила его ногами, притягивая глубже. Он наклонился и прикусил её плечо, а она в ответ впилась ногтями ему в спину, оставляя красные полосы. Раздался низкий рык, и темп ускорился.

Ритм стал рваным, грубым. Он перевернул её на живот, поставил на колени и вошёл сзади. Пальцы зарылись в волосы у корней, оттягивая голову назад. В этом положении член заходил глубже, упираясь в самую чувствительную точку, и Рэйвен застонала в голос. Его пальцы нашли клитор и задвигались в такт толчкам.

— Давай, я знаю, что ты хочешь, — прошептал он ей на ухо.

Она кончила с криком, содрогаясь всем телом и сжимаясь вокруг него так сильно, что он тоже сорвался. Два последних резких толчка, и он вышел, излившись ей на спину. Капли стекали по пояснице, пока он тяжело дышал, уперевшись лбом в её плечо.

Несколько секунд тишины. Только дыхание, только гул города за окном.

— Полотенце нужно, — выдохнула она.

— Где взять?

— В шкафу.

Он принёс полотенце, вытер её спину и лёг рядом. Его дыхание выровнялось слишком быстро. Рэйвен хотела что-то сказать, но не стала. Закрыла глаза. Сквозь дрёму она услышала, как он поднялся, прошёл к окну, и через мгновение потянуло сигаретным дымом. Она приоткрыла глаза и увидела его стоящим у подоконника. Он высунулся в окно по пояс, выпуская дым в ночную прохладу. В переулке внизу было тихо, только ветер гонял по асфальту обрывки бумаги. Она смотрела на его спину, на то, как напрягались мышцы, когда он опирался на подоконник, и незаметно для себя провалилась в сон.

Проснулась она от холода. Окно было приоткрыто, и утренний ветер задувал внутрь вместе с запахом стирального порошка и мокрого асфальта. Матрас рядом был пуст. Рэйвен потянулась, чувствуя приятную боль в мышцах и синяки от его пальцев на бёдрах. Она провела по ним ладонью, усмехнулась и встала.

Косухи на стуле не было. Он ушёл.

Кай вернулся в свою квартиру, когда небо за окном только начало сереть. Прошёл в ванную, плеснул в лицо холодной водой, упираясь ладонями в раковину, поднял голову и посмотрел в зеркало. Шнурка на шее не было. Он замер, не дыша, ощупал голую кожу пальцами, затем отдёрнул руку и снова уставился в отражение, будто надеялся, что оно покажет что-то другое. На то место, где всегда висел камень, теперь не падало даже тени. Жемчужина пропала.

Первой пришла ярость. Глухая, горячая, застилающая глаза. Пальцы сжались в кулак, и он едва не впечатал его в зеркало. Затем накатила растерянность. Он не помнил, когда снимал шнурок, не помнил, где мог его оставить. В баре камень был. В квартире Рэйвен он тоже был. А дальше провал. Секс, сон, сигарета у окна, уход. Камень мог выпасть где угодно.

Страх пришёл последним. Таким он не знал никогда раньше. Хуже ярости, хуже боли. Он снова посмотрел в зеркало, на пустую шею. Камень был там, у Рэйвен. Должен быть. Больше негде.

Кай вышел из квартиры.

Она уже собиралась в душ, когда в дверь постучали. Стук был резким, требовательным, без пауз. Рэйвен открыла.

На пороге стоял Кай. Вид у него был совсем не такой, как несколько часов назад: челюсть сжата, руки скрещены на груди слишком крепко, взгляд прищурен и одновременно растерян. Он не пытался скрыть напряжение, и от этой открытой тревоги ей стало не по себе.

— Ты не находила камень? — спросил он вместо приветствия, и голос его прозвучал глухо, будто слова давались ему с трудом. — Маленький, белый, тот, что висел у меня на шее.

Рэйвен сунула руки в карманы джинсов.

— Доброе утро, Кай. Кофе? Яичницу? А, точно, у нас же правило, ты уходишь до рассвета.

Он дёрнул плечом, и в этом движении было больше отчаяния, чем злости.

— Камень, Рэйвен. Ты его не видела?

Она вспомнила шнурок с мутным камнем, который заметила в баре.

— Нет. А ты его потерял?

— Я его не нахожу с тех пор, как вышел от тебя. Шнурка на шее нет.

Он сказал это быстро, но под конец фразы осёкся, будто только сейчас осознал, что именно произнес. Рэйвен заметила, как его пальцы, сжимавшие предплечья, побелели от напряжения.

— И ты решил, что это я украла?

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде не было прежней самоуверенности. Ярость, да, но не на неё. На себя. На ситуацию. На то, что он вообще позволил этому случиться.

— Я не знаю, что думать, — признался он, и это прозвучало так, будто слова вырвали у него силой. — Если камень не найдётся...

Он осёкся и не закончил. Рэйвен покачала головой.

— Если бы я хотела тебя обокрасть, я бы выбрала что-нибудь более ценное, чем камень.

— Это не просто камень.

— А что же это такое?

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в его глазах снова мелькнуло что-то янтарное. На этот раз это длилось дольше, и Рэйвен не стала убеждать себя, что это игра света.

— Мне нужно найти его, — сказал он, и голос его сорвался почти до шёпота. — Ты была со мной этой ночью и могла что-то заметить. Я прошу тебя.

— И что я с этого получу?

— А что ты хочешь?

Она задумалась.

— Объяснение, что это за камень и почему ты так трясёшься над ним.

Кай усмехнулся, криво, вымученно.

— Договорились. Начнём с твоей квартиры.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Глава 2. Пропажа

Кай перешагнул порог и замер, сканируя взглядом пространство, которое ещё несколько часов назад было декорацией к совсем другой сцене. Рэйвен закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, наблюдая. Он не смотрел на неё. Его взгляд уже обходил комнату по периметру, цеплялся за мелочи, которые она сама давно перестала замечать: трещины в плинтусах, щели между рассохшимися половицами, неровный стык обоев в углу.

Он прошёл к матрасу, резким движением откинул одеяло. Ткань взметнулась и опала, и Рэйвен на мгновение показалось, что вместе с ней взметнулся и улёгся обратно запах их тел, запертый в складках. Кай опустился на одно колено и провёл ладонью по простыне — не погладил, а именно прощупал каждый сантиметр. Затем простучал пол, нырнул рукой под подушку, смял её, отбросил в сторону.

Рэйвен следила за его руками. Те самые длинные пальцы с выступающими костяшками, с серебряными перстнями, которые вчера глухо звякнули о дерево, когда он сам сложил их на край стола. Сейчас эти пальцы деловито и жадно обшаривали её жильё, не как ласка, а как обыск. Они откинули матрас, пробежались по половицам, выдвинули ящики её стола один за другим, переворошив содержимое: старые чеки, огрызки карандашей, тюбик засохшей туши. Он проверил пространство за барной стойкой, сколоченной из старых досок, заглянул под неё и даже отодвинул гитару без струн, которая пылилась в углу. Делал он всё это молча, с какой-то неестественной, механической методичностью. В этом молчании было куда больше давления, чем в любом допросе, что ей доводилось видеть из-за барной стойки.

Рэйвен не мешала. Она стояла, засунув руки в карманы джинсов, и просто наблюдала. Ещё вчера она не пустила бы никого дальше порога без чёткой договорённости на одну ночь. Сегодня этот кто-то уже отодвигал половицы, перебирал её вещи и, казалось, был готов простучать стены. Он вёл себя так, будто имел полное право здесь находиться, и это бесило её куда больше самого факта обыска. Не то, что он рылся в её ящиках, а то, что она позволила ему это делать. Стояла и смотрела.

Кай выпрямился. Ящики были пусты, стол — чист. Он обвёл взглядом стены и на секунду задержался на её рисунках. Геометрические узоры, карты созвездий, силуэты птиц, разбросанные по бумаге в хаотичном порядке. В его глазах что-то мелькнуло — не узнавание, нет, а скорее оценка, — но он ничего не сказал и отвёл взгляд. Остановился у окна. Приоткрытая створка впускала сырой утренний воздух. На подоконнике было пусто. Он провёл по нему пальцами, потом посмотрел на пол под окном. Ничего. Пустота.

— Я курил здесь, — произнёс он. Голос звучал глуше, чем в баре, будто слова застревали в горле. — Высовывался по пояс. Если шнурок порвался, камень упал прямо в переулок.

Рэйвен отлепилась от двери. Толстовка, куртка, ключи со стола — собралась быстро, без лишних движений.

— Тогда какого хрена мы всё ещё здесь?

Они спустились по лестнице. Рэйвен чувствовала, как он держится позади — не обгоняет, но и не отстаёт. Вчера он шёл с ней по этим же ступеням плечом к плечу, и от него исходил жар, который она ощущала кожей, даже не прикасаясь. Сегодня жара не было. От него тянуло холодом, как от человека, который провёл всю ночь под дождём. Рэйвен не стала об этом думать, записав это в разряд странностей, которые можно будет проанализировать позже.

В переулке их встретил запах картонных коробок, размокших за ночь, и стирального порошка из круглосуточной прачечной. Узкая полоса асфальта, зажатая между кирпичной стеной прачечной и глухим торцом соседнего здания, была завалена мусором, который ветер согнал в углы. Водосточная труба дребезжала под порывами, и этот высокий, непрерывный звук отдавался в зубах. Рэйвен поёжилась, застегнула куртку до самого горла.

Они разделились. Кай пошёл вдоль одной стены, низко опустив голову и глядя под ноги. Его тень двигалась по кирпичной кладке — длинная, размытая неярким утренним светом. Рэйвен двинулась с другой стороны, пиная носком тяжёлого ботинка смятые пакеты и скомканные чеки. Воздух был влажным и спёртым. Где-то капала вода. Под окнами своей студии она нагнулась и проверила пространство у стены дважды: осколки пивной бутылки, ржавая пробка, пластиковая вилка с обломанным зубцом, бумажный стаканчик. Никакого камня. Только грязь и следы ночной жизни района.

Она выпрямилась и уже собиралась сказать, что здесь пусто, когда заметила Кая. Он стоял в дальнем конце переулка у кучи грязных одеял, и эта куча вдруг зашевелилась. Рэйвен подошла ближе и встала у него за плечом.

Из-под одеял выбрался мужик в вязаной шапке, натянутой на самые брови. Густую седую щетину пересекал старый белёсый шрам, делавший его лицо асимметричным. Он заморгал, прикрываясь ладонью от света, и тут же инстинктивно выставил перед собой вторую руку, растопырив пальцы — не то защищаясь от удара, не то отгораживаясь от всего мира разом.

— Я ничего не трогал! Я просто сплю здесь, понятно? — просипел он спросонья. В голосе звенела привычная агрессия человека, которого всю жизнь обвиняют во всём, что плохо лежит. — Что бы ни пропало — это не я.

Рэйвен знала этот тон. В «Under» такие появлялись регулярно: заходили погреться у батареи, просили стакан воды, иногда пытались стащить что-нибудь со стойки и всегда, всегда начинали с того, что они ничего не брали.

— Мы ищем камень, — сказала она, стараясь, чтобы её голос звучал ровно и не угрожающе. — Маленький, белый, мутный. Кто-то подобрал его здесь под утро. Ты мог это видеть.

Бездомный опустил руку, сощурился, быстро переводя взгляд с неё на Кая и обратно. Он оценивал их, пытаясь понять, от кого исходит реальная угроза. Кай стоял неподвижно, возвышаясь над ним, и в этой полной неподвижности было что-то глубинное, неестественное — так замирает хищник за секунду до броска. Бездомный, кажется, тоже это почувствовал, потому что ответил быстро, без обычных препирательств.

— Видел. Парень в синей куртке, с плоской коробкой, как у доставщиков. Прошёл здесь, нагнулся у стены, прямо под окнами, и что-то сунул в карман. Воровато так, с оглядкой.

— Когда?

— Под утро. Темно ещё было.

Рэйвен достала из заднего кармана джинсов смятую купюру. Бездомный взял её быстро, смял в кулаке и сунул под одеяло, даже не взглянув на номинал.

— Где он работает?

— Там ихняя забегаловка, на углу. «У Ченга», что ли. Я его здесь не первый раз вижу. Он часто через переулок ходит, короткий путь с заказами.

Кай резко развернулся и, не дожидаясь продолжения, пошёл к выходу из переулка. Рэйвен двинулась следом, но на ходу успела заметить, как он на секунду придержался ладонью за стену — не опёрся тяжело, а именно придержался, словно его повело в сторону. Движение было мимолётным, почти незаметным, но она заметила. За три года за барной стойкой она научилась безошибочно читать людей по таким вот мелочам: кто перебрал, кто готов устроить драку, а кому сейчас станет плохо. Каю становилось плохо, и с каждой минутой это было всё заметнее.

Закусочная «У Ченга» встретила их запахом прогорклого фритюрного масла и хлорки. Внутри было пусто, только за пластиковой стойкой, заляпанной пятнами от соусов, стояла женщина с уставшим лицом и крашеными рыжими волосами, собранными в низкий пучок. Когда они вошли, она подняла голову от кассы и окинула их тем взглядом, каким обычно встречают посетителей за пять минут до конца смены: усталым, равнодушным и ничего хорошего не ждущим.

— У вас работает доставщик, парень в синей куртке, — начал Кай, подходя к стойке. Голос его звучал требовательно, но Рэйвен слышала, каких усилий ему это стоило. — Нам нужно с ним поговорить.

Женщина нахмурилась, помедлила, затем нехотя обернулась и рявкнула в глубь подсобки: «Майк! Выйди на секунду». Голос у неё был резкий, привыкший перекрикивать шум кухни и гул вытяжки.

Из подсобки вышел парень в синей куртке с логотипом доставки. На вид лет девятнадцать, не больше. Жидкие усики, прыщи на подбородке, испуганный взгляд. Он вытирал руки бумажным полотенцем и смотрел на них с той настороженностью, с какой обычно ждут вызова к начальству или визита полиции.

— Ты сегодня утром проходил через переулок у прачечной и подобрал там камень, — сказал Кай, не дав ему открыть рот. — Где он?

Майк замер. Бумажное полотенце смялось в побелевших пальцах. Взгляд испуганно заметался между Каем и входной дверью, за которой осталась улица и возможность сбежать.

— Я не... Я не понимаю, о чём вы...

— Мне плевать, почему ты его взял, просто отвечай на вопрос. Быстро.

Парень бросил отчаянный взгляд на Рэйвен, будто ища заступничества. Но она стояла, сунув руки в карманы куртки, и молчала. Её лицо не выражало ни сочувствия, ни агрессии. Помощи не будет.

— Я его сразу сдал, — выпалил он, сломавшись. — Думал, бижутерия дешёвая, кому-то на память. Отнёс скупщику на Восточной, за полтинник. Он берёт всё подряд, я к нему часто хожу. Часы там, цепочки, всякое.

— Имя. Адрес.

— Мистер Чан. Восточная, семь, подвал.

Рэйвен взяла со стойки бумажную салфетку и подвинула парню.

— Запиши.

Он записал, пальцы дрожали, и шариковая ручка дважды соскальзывала, оставляя на салфетке рваные борозды. Рэйвен взяла салфетку, пробежала глазами по корявым буквам и сунула в карман куртки. Адрес был ей смутно знаком. Восточная упиралась в промзону — место, где она не была ни разу, но знала, что там обитают те, кто не хочет светиться.

На улице Кай свернул за угол, вне видимости из окон закусочной, и остановился. Он упёрся ладонью в кирпичную кладку, и Рэйвен увидела, как по спине под косухой прошла крупная судорога — мышцы свело и медленно отпустило. Он стоял, опустив голову, и дышал через рот.

— Кай.

Он обернулся не сразу. Когда он это сделал, Рэйвен едва сдержалась, чтобы не отшатнуться. Его лицо осунулось, скулы заострились, а под глазами залегли глубокие тени, которых не было ни в баре, ни утром, когда он ломился в её дверь. Губы побелели, кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок. Он смотрел на неё так, будто она стояла очень далеко, хотя их разделяло не больше метра. Во взгляде читалось что-то, чего она совсем не ожидала увидеть у человека, который вчера держал микрофон как оружие. Это был чистый, незамутнённый, животный страх.

— Что с тобой происходит? — спросила она.

— Ничего.

— Ты едва стоишь на ногах. Ты сказал, что это просто дорогая вещь.

— Я соврал.

Он оттолкнулся от стены и попытался идти в сторону Восточной. Рэйвен не двинулась с места. Он сделал несколько шагов, понял, что она не идёт за ним, и обернулся через плечо.

— Я жду, — сказала она жёстко. — Ты врёшь мне с того самого момента, как сел за мою стойку. Сначала ты был просто рок-звездой, которая хочет провести ночь. Потом ты стал парнем, который потерял дорогую безделушку. Теперь ты умираешь у меня на глазах, и я хочу знать, от чего именно.

Кай молчал. Утренний ветер трепал пряди его тёмных волос, упавшие на лоб, и в этом холодном свете Рэйвен снова увидела тот самый отлив — не карий, не чёрный, а рыжий, лисий, глубокий. Вчера она списала это на красный свет фонарей. Но сейчас фонари не горели.

— Это звёздная жемчужина, — сказал он наконец. Голос его прозвучал глухо и надломленно. — В ней заключена моя душа. Если я не верну её в ближайшее время, я умру.

Рэйвен ждала улыбки. Усмешки. Любого намёка на то, что это глупая шутка. Он не улыбался. Она смотрела на его серое лицо, на тёмные провалы под глазами, на побелевшие губы, и в голове с бешеной скоростью проносились обрывки воспоминаний. Янтарный блеск глаз под красным софитом. Кожа, которая обжигала ей пальцы. Дыхание, которое выровнялось через минуту после жёсткого секса, хотя любой другой на его месте всё ещё хватал бы ртом воздух. Она смотрела на него сейчас и пыталась подобрать слово, которое всё это объяснит. Лихорадка. Инфекция. Истощение. Но ни одно слово не накладывалось на то, что она видела.

— Ты понимаешь, как это звучит? — спросила она.

— Понимаю.

— И ты ждёшь, что я в это поверю?

— Мне плевать, веришь ты или нет, — в его глазах на мгновение вспыхнула прежняя, почти звериная ярость, смешанная с отчаянием. — Мне нужно вернуть жемчужину. Остальное не имеет значения.

Он снова пошёл, но на третьем шаге его повело в сторону. Рэйвен метнулась к нему и подхватила под локоть. Он попытался высвободить руку — у него не вышло. Пальцы, которые вчера сжимали микрофонную стойку как оружие, теперь едва могли удержать её запястье.

— Ты кто? — спросила она тихо.

— Кицунэ, — ответил он, глядя куда-то сквозь неё. — Лис-оборотень, если тебе так понятнее. У каждого из нас есть жемчужина, в ней вся магия. Я четырёххвостый.

Она отпустила его локоть и отступила на шаг.

— Почему четыре?

— По одному на каждые сто лет. Сейчас они не видны, я в человеческой форме. А без жемчужины я даже на это сил не найду.

Рэйвен смотрела на него и пыталась найти во всём происходящем рациональное зерно. Скрытая камера. Розыгрыш с подставными актёрами. Галлюцинация от недосыпа. Что угодно, что объяснило бы этот бред. Но камер не было, прохожие на другой стороне улицы шли по

своим делам, а он стоял перед ней — реальный, осязаемый, пахнущий виски и холодным потом. И он умирал.

— Ты бессмертный? — спросила она.

— С жемчужиной — да. Без неё — нет.

Рэйвен потёрла переносицу. Ей нестерпимо хотелось закурить, хотя она бросила год назад. Хотелось сесть прямо на грязный асфальт и сидеть, пока всё это само собой не рассосётся. Вместо этого она снова взяла его за локоть. Он посмотрел на неё — коротко и удивлённо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.